

Геоэкономическая мощь Европы: расцвет и упадок Евросоюза

Дизен Г.

Дизен Гленн — PhD, профессор Университета Юго-Восточной Норвегии.

SPIN RSCI: 7360-7425

ORCID: 0000-0001-9343-6353

ResearcherID: T-1281-2018

Scopus AuthorID: 55303012200

Для цитирования: Дизен Г. Геоэкономическая мощь Европы: расцвет и упадок Евросоюза // Современная мировая экономика. Том 1. № 1 (1). Январь—март 2023.

Ключевые слова: Европейский союз, ЕС, геоэкономика, блоки, евро, Большая Европа.

Аннотация

Геоэкономические блоки используют коллективный переговорный потенциал, чтобы улучшить позиции стран в международной экономике и конвертировать их экономическую мощь в политический капитал. Геоэкономика заложила фундамент мощи Евросоюза и его способности проецировать свои ценности и нормы на других. Однако либеральные идеалы были поставлены выше реалистического фундамента в виде геоэкономики. В результате телега оказалась впереди лошади, что привело к краху всей конструкции. Единый рынок заложил основы геоэкономической мощи Европейского союза, защищая внутренние рынки и открывая для европейских компаний внешние, а также цементируя внутреннее единство объединения. Общая валюта и последовательное расширение были призваны увеличить геоэкономическую мощь, но фактически они способствовали расколу между странами-членами и усилению отношений с нулевой суммой с другими государствами.

Введение

Как можно объяснить впечатляющий успех Европейского союза и его неожиданный упадок? Эксперты объясняют трудности ЕС с точки зрения идеологии, используя такие термины, как «нормативная сила», «преобразующая сила» и «этическая сила». С позиций реализма Хайд-Прайс (Hyde-Price 2008) в противовес этим терми-

нам называет Европейский союз «трагическим актором», поскольку в результате политики, ведомой нормами и соображениями морали, либо уменьшится релевантность ЕС из-за его неспособности успешно продвигать интересы своих членов, либо Европейский союз окажется вовлеченным в разрушительные «крестовые походы морали» (Hyde-Price 2008). Геоэкономика преимущественно строится на реалистических идеях о том, как устроен мир. В этой статье мы попытаемся ответить на вопрос, почему именно геоэкономическая теория объясняет расцвет и упадок Европейского союза.

В неоклассической реалистической традиции ценности и идеология понимаются как благоприятные факторы, пока они поддерживают интересы сил и подталкивают государства действовать в соответствии с логикой баланса сил. Европейский союз достиг геоэкономической мощи, потому что строился на прочном геоэкономическом фундаменте, позволявшем ему одновременно проецировать свои ценности на других. Когда геоэкономика утратила приоритет, проявившиеся структурные проблемы обрекли ЕС на быстрый и, возможно, необратимый упадок.

Геоэкономика заменила военную геополитику как источник силы из-за всё большей разрушительности оружия и высокого уровня взаимозависимости в глобальной экономике. Государства вмешиваются в функционирование рынков, чтобы реструктурировать глобальные цепочки создания стоимости и конвертировать экономическую мощь в политическое влияние. Логика баланса сил выражается в «балансе зависимости», асимметричная экономическая взаимозависимость трансформируется в политическое влияние (Diesen 2017; 2021). Государства стремятся сохранить свою политическую независимость, стараясь не полагаться чрезмерно на отношения асимметричной взаимозависимости и одновременно повышая зависимость другой стороны.

Европейский союз, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), провалившееся Транстихоокеанское партнерство и — до 2020 года — Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА) представляют собой важные инструменты силы в эпоху геоэкономики. Геоэкономические блоки копируют логику военных союзов, когда страны А и В сотрудничают ради наращивания общей мощи против страны С. Экономические блоки позволяют государствам коллективно защищать стратегические отрасли своей промышленности и получать выгодный доступ на иностранные рынки, контролировать транспортные коридоры и развивать финансовые инструменты, такие как торговые режимы, законодательство, стандарты, банки развития, валюты внешнеторговых операций и резервные валюты.

Данная работа, во-первых, рассматривает теоретические аспекты развития геоэкономических регионов. Вместо «беспредельного реализма» и силовой политики геоэкономические регионы — это ответ на скрытые мотивы эгоистичных государств, которые стремятся максимально обеспечить свою безопасность. Регионализм парадоксален в том смысле что государства стараются объединить свои суверенитеты, чтобы коллективно повысить способность защищать суверенитет. Поэтому регионы должны обеспечивать для стран-членов экономические выгоды, которых лишены не входящие в блок государства, и в то же время избегать

отношений с нулевой суммой с другими державами, чтобы не подталкивать их к использованию тактики раскола.

Во-вторых, в работе рассмотрен подъем Европейского союза. Единый рынок и Шенгенское соглашение способствовали развитию гигантского общего рынка западноевропейских государств с огромной силой притяжения для всего региона в целом. Ликвидация торговых барьеров между странами-членами способствовала увеличению торговли и взаимозависимости внутри блока, что, в свою очередь, трансформировалось в общие интересы и политическую лояльность. Стабильность и баланс зависимости внутри блока во многом обеспечивались тем, что страны — основатели Европейского союза имели схожие экономики сопоставимых размеров. ЕС мог защищать стратегические отрасли экономики своих членов, такие как сельское хозяйство, и одновременно принуждать другие страны к открытию своих рынков. Требование принять нормы регулирования ЕС и провести политические реформы как условие доступа к огромному европейскому рынку превратило Европейский союз в «регулятивную силу».

Наконец, в работе рассмотрен упадок ЕС. Соперничество между федералистами и функционалистами скорее последовательно усугублялось, чем разрешалось. В то же время внутреннее геоэкономическое соперничество разрушает единство блока, поскольку государства-члены следуют диаметрально противоположным моделям развития — достичь экономического роста посредством роста потребления и долга или посредством производства и сбережения. Политические цели нескольких расширений и введения единой валюты не базировались на прочном геоэкономическом фундаменте и поэтому могут привести к краху Европейского союза. Обе инициативы усилили коллективное геоэкономическое влияние, но привели к объединению совершенно разных экономик и подрыву как экономической, так и политической привлекательности союза. Более того, идеология ослабила способность ЕС уйти от игры с нулевой суммой в отношениях с другими державами, что подтолкнуло такие страны, как Россия и Китай, к использованию тактики раскола.

В заключении отмечается, что готовность использовать экономическое принуждение для поддержания внутренней солидарности может замедлить упадок Европейского союза, но это может ускорить дезинтеграцию и сделать ее неконтролируемой из-за разрушения всей конструкции. Решение, соответствующее геоэкономическим принципам, состоит в том, чтобы принять Европу двух или более скоростей, основываясь на различных уровнях экономической и политической интеграции.

Возвращение геоэкономики

Геоэкономика предполагает, что сила проистекает из экономики, а не базируется на военном потенциале и территории. Государство вмешивается в рынок, чтобы добиться выгодной позиции и использовать полученные экономические инструменты для достижения внешнеполитических целей. Экономическая взаимозависимость воспринимается как относительная выгода в соответствии с теоретическими представлениями о том, как устроен мир, в рамках парадигмы реализма (Blackwill and Harris 2016). В экономически взаимозависимом мире «экономика становится

продолжением войны другими средствами» (Bell 2008: 330). Гилпин утверждает, что политика силы, которая опирается на экономику, предполагает: реализм сегодня обязательно означает неомеркантилизм (Guzzini 1997: 134).

Геоэкономика утратила свои позиции в период холодной войны, поскольку основными противниками США были коммунистические государства, в основном лишенные доступа на международные рынки; а геоэкономические противоречия между капиталистическими странами в рамках биполярного мира были несущественными. После холодной войны произошел постепенный возврат к истории — «методы торговли вытесняют военные: свободный капитал вместо огневой мощи, гражданские инновации вместо военных, технический прорыв и охват рынка вместо гарнизонов и баз» (Luttwak 1990: 17).

Геоэкономике можно разделить на оборонительную и наступательную. Оборонительная нацелена на создание привилегированного положения своих компаний и рынков посредством обеспечения для них выгодных условий (Raza 2007). Это подразумевает введение искусственных барьеров — тарифных и нетарифных — для ограничения доступа на свой рынок. Бюрократические преграды, промышленная, технологическая и экологическая политика, меры в сфере здравоохранения и санитарной защиты могут использоваться, чтобы помешать импортным товарам успешно конкурировать с отечественными (Jones 1986; Raza 2007). Можно ограничить иностранным конкурентам доступ на рынок или трансфер технологий, используя защиту прав интеллектуальной собственности или вводя ограничения в отношении зарубежных корпораций — например, если некоторые технологии будут отнесены к вопросам национальной безопасности (Gilpin 2011: 139). Правительства могут напрямую субсидировать технологические разработки или делать это опосредованно — финансируя определенные направления образования, конкурентоспособную инфраструктуру или открыв доступ к технологиям, разработанным военными (Luttwak 2010: 65). В эпоху геополитики всех беспокоило использование гражданских технологий в военных целях. В эпоху геоэкономики конкурентное преимущество достигается путем передачи субсидированных правительством военных технологий коммерческому сектору.

Наступательная геоэкономическая политика предполагает ликвидацию торговых барьеров, введенных другими странами. Добиться этого можно с помощью антимонопольного законодательства или ослабления позиций местных производителей — например, прибегнув к демпингу при экспорте своей продукции. Точно так же зависимость можно увеличить через иностранную помощь и торговые уступки, которые ударят по местным производителям. К инструментам экономической конкуренции относятся «эффективность производства, контроль рынка, торговый профицит, сильная национальная валюта, валютные резервы, владение иностранными компаниями, заводами и технологиями» (Huntington 1993: 73). Правительства также могут манипулировать доступностью капитала и его накоплением, трудовыми ресурсами и прорывными технологиями как важными источниками экономического роста. Манипулирование валютой рассматривается как форма неомеркантилизма, поскольку девальвация защищает местную продукцию от импорта, а также способствует ее проникновению на иностранные рынки (Cwik 2011).

Геоэкономические блоки и «баланс зависимости»

Геоэкономические блоки — ключевой инструмент силы, когда речь идет о коллективном переговорном потенциале и создании с его помощью выгодных позиций в глобальных цепочках создания стоимости; в конечном итоге это позволяет конвертировать экономическое доминирование в политический капитал (Baru 2012). Государства приобретают силу, развивая асимметричную экономическую взаимозависимость с целью максимизации как автономии, так и влияния (Hirschman 1945). Региональная экономическая интеграция таким образом распространяется, поскольку «опора на собственные силы никогда не была жизнеспособной на национальном уровне» (Hettne 1993: 227).

Геоэкономическая функция торгового блока напоминает геополитическую составляющую военных альянсов (Hurrell 1995: 340). Мощные государства интегрируются с более слабыми в экономические и военные блоки, чтобы усилить свое влияние на слабые страны-члены и коллективно добиться превосходства над противниками, не входящими в объединение (Walt 1985: 6). Бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт утверждал, что экономический регионализм имитирует блоковую политику военных альянсов, поскольку «борьба за мировой продукт» создает системную потребность формировать альянсы и контральянсы (Gilpin 2011: 9).

Сила и длительность существования геоэкономических блоков зависят от соотношения затрат и выгод привлечения конкретных государств в региональные структуры. Государство может оставаться вне экономических регионов, чтобы защитить свой суверенитет, хотя снижение экономической конкурентоспособности в конечном итоге подрывает этот суверенитет. Объединяя суверенитеты и интегрируя их в более мощные центры силы, регион может использовать выгодный асимметричный переговорный потенциал, чтобы защитить чувствительные отрасли и получить привилегированный доступ на внешние рынки (Milward 1992). Таким образом, солидарность внутри экономического региона зависит от того, становится ли интрузивное влияние региона катализатором для укрепления суверенитетов (Milward 1992). Поэтому способность обеспечить экономическую выгоду является ключевым инструментом более мощных держав при строительстве регионов, где они институционализируют собственное политическое влияние (Kučerová 2014).

Геоэкономическую мощь региона можно оценить по компромиссу или поляризации функционалистов и федералистов. Функционалистская интеграция предполагает, что *форма обусловлена функцией*, то есть интеграция достижима в тех сферах, где она обеспечит выгоды в экономике, политике и безопасности для стран-членов (Mitranu 1965). Напротив, федералистская интеграция предполагает, что *функции обусловлены формой* — централизация власти и трансфер суверенитетов региону становится целью (Mitranu 1965). Федералистская интеграция — это естественный импульс укрепить внутреннее единство, системно лишая слабые государства способности диверсифицировать партнерства и покинуть регион. Однако федерализм скорее оказывает противоположный эффект: власть централизована, при этом не демонстрируется ее четкая функция и выгоды для стран-членов, которые перевешивали бы потери от уменьшения суверенитета.

Геоэкономические регионы формируются, чтобы коллективно нарушить симметричность взаимозависимости в отношениях со странами, не входящими в блок, однако продолжительность существования экономического объединения зависит от поддержания внутреннего «баланса зависимости». Выгоды от интеграционного проекта для стран-членов зависят от схожести размера экономик (Sorhun 2014: 288). При отсутствии равновесия сил внутри образования, а также если нет внешнего противника, что сделало бы асимметрию приемлемой, слабые государства будут стремиться к автономии от самого сильного члена блока.

Экономическое давление может быть устойчивым, только если используется умеренно, а чрезмерное использование лишь подталкивает более слабые государства к уменьшению своей зависимости. Преимущество более зависимого состояния — это желание и готовность принять ощутимые экономические потери ради обретения большей автономии (Hirschman 1945). Часто игнорируется тот факт, что жизнеспособность геоэкономических блоков обусловлена способностью сокращать форматы игры с нулевой суммой, предоставляя выгоды для стран, не входящих в объединение. У внешних держав всегда будет стимул вбить клин и разрушить единство региона, который обеспечивает выгоды и привилегии, не предназначенные для не входящих в него государств, и который может повысить коллективный переговорный потенциал в ущерб нечленам блока (Wagner 1988). Внешние державы могут подрывать внутреннее единство регионов с помощью «выборочных договоренностей», которые подразумевают привилегии для конкретных членов блока на двусторонней основе (Wigell and Vihma 2016).

Геоэкономический подъем ЕС: единый рынок и Шенген

Европейский союз традиционно считается самым успешным в мире региональным геоэкономическим проектом с точки зрения коллективного переговорного потенциала в отношениях с нечленами блока (Hettne 1993). ЕС объединяет 27 стран в целях изменения симметрии взаимозависимости с другими державами. Коллективный переговорный потенциал ЕС улучшает баланс зависимости в отношениях с США; таким образом, есть условия для того, чтобы трансатлантическое партнерство после окончания холодной войны было более прочным и долговечным. Асимметричные отношения Европейского союза с соседями способствуют «коллективной гегемонии» на континенте (Hyde-Price 2006: 227). Бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен, один из архитекторов отвергнутой конституции ЕС, утверждал, что новой целью Европейского союза является влияние: «За десятилетия основа существования ЕС изменилась. От стремления к миру мы перешли к стремлению к величию. Цель ясна: мы должны стать одним из трех основных игроков в мире, чтобы через 20 лет США, Китай и ЕС контролировали три главные мировые валюты» (Rettman 2013).

Тот же аргумент приводил бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр в поддержку дальнейшего членства Великобритании в Европейском союзе: «Мотивация в пользу Европы в XXI веке сильнее, чем когда-либо. Теперь речь идет уже не о мире, а о влиянии. Мы не будем воевать друг с другом, если

у нас не будет Европы, но мы станем слабее, менее сильными и влиятельными» (Scheuermann 2013).

Единый рынок, существующий с 1987 года, и безвизовые поездки в соответствии с Шенгенским соглашением стали важнейшими геоэкономическими достижениями экономического блока благодаря интеграции схожих экономик. Функционалистской целью этих инициатив была гармонизация национальных и региональных интересов. Ликвидация торговых барьеров позволила увеличить торговый оборот внутри ЕС, что трансформировалось в политическую лояльность и солидарность. Асимметричный переговорный потенциал ЕС в отношениях с другими странами помогал защищать европейские рынки и вынуждать торговых партнеров открывать свои. Экономическую мощь можно было затем конвертировать в политическое влияние, выдвигая политические условия снятия торговых барьеров и обеспечения выгодного доступа на европейские рынки.

Европейский союз можно охарактеризовать как «регулятивную силу», поскольку он извлекает политическое влияние из своей экономической позиции, распространяя свои правовые нормы (Damro 2015). Роль привратника и переговорщика при обсуждении условий доступа к единому рынку для внешних акторов превратила Европейский союз в доминирующего игрока в международной политэкономии (Bretherton and Vogler 1999: 47). Поскольку Брюссель устанавливал политические и правовые условия для доступа на свой огромный рынок, он стал «регулятивной силой» (Eberlein and Grande 2005; Bradford 2012: 65) или даже «регулятивной империей» (Zielonka 2008: 474). Европейскому союзу достаточно просто регулировать собственные рынки, чтобы распространить влияние за пределы своих границ, — «всё остальное делают размер и привлекательность европейского рынка» (Bradford 2012: 65). По мере того как всё больше европейских стран присоединялось к ЕС-центричным структурам через механизмы членства или партнерства, оставаться за пределами регулируемого Брюсселем пространства становилось всё дороже из-за экономических рисков изоляции. Такие европейские страны, как Норвегия и Швейцария, которые являются частью единого рынка, но не вступили в ЕС, вынуждены действовать в рамках модели «плати без права голоса»: они должны выполнять директивы ЕС, но не участвуют в принятии решений.

Влияние и геоэкономическая сила Европейского сообщества многократно возросли после краха коммунизма в странах Центральной и Восточной Европы. Еще до распада СССР по мере открытия экономик в 1990–1991 годах Европейское сообщество инициировало шаги по выработке соглашения о торговле с Центральной и Восточной Европой (Lane 2016: 49). Условием заключения выгодных торговых соглашений было принятие норм регулирования, действующих на пространстве единого рынка. Эти условия позже были оформлены в более конкретные требования в соответствии со сводом правовых норм ЕС при подготовке к вступлению в объединение. Отношения строились по модели «ядро — периферия», поскольку слабые государства были вынуждены согласиться на ограниченный суверенитет под воздействием сильных. Условия в основном касались демократии и надлежащего госуправления. Но они также обеспечили ключевым странам Западной Европы двойные экономические рычаги воздействия: с одной стороны, усили-

лась коллективная мощь расширившегося ЕС; с другой стороны, ядро оказывало влияние на страны периферии, с выгодой пользуясь дешевыми активами, трудом и капиталами (Lane 2016: 50).

Европейский союз использует регулятивную силу для продвижения как наступательной, так и оборонительной повестки в вопросах доступа на рынок (Raza 2007). Он выстроил бюрократическую, или регулятивную, империю, разработав систему тарифных и нетарифных барьеров для доступа на рынок и главным образом поставив в невыгодное положение слабые экономики и небольшие компании, которые просто неспособны приспособиваться к всё более сложным нормам регулирования (Eberlein and Grande 2005; Bradford 2015; Damro 2015). Субсидии используются для защиты чувствительных или стратегически значимых внутренних рынков. Общая сельскохозяйственная политика — неоднозначный пример неомеркантилизма, на который уходит почти половина бюджета ЕС (Raza 2007). При этом ЕС вынуждает внешние державы открывать свои рынки и принимать европейские нормы. К примеру, еврокомиссар по энергетике Гюнтер Эттингер грозит не делаящим этого экономической и политической изоляцией: «Любой, кто покинет Энергетическое сообщество, косвенно выходит из партнерства с ЕС. И становится следующей Белоруссией» (Keating 2012).

Отношения с крупными внешними державами

К концу холодной войны США все более неохотно принимали геоэкономическую политику Западной Европы. Показательным примером можно считать геоэкономическое соперничество в авиаотрасли. Западноевропейские авиапроизводители получили поддержку своих правительств в виде субсидий, что позволило им, работая в убыток, но завоевать американский рынок. Европейские правительства фактически предоставляли беспроцентные займы на разработку новых самолетов, пока они не смогли конкурировать с американскими. Airbus Industrie вышла на рынок США, имея дефицит бюджета, за счет налогоплательщиков. В какой-то момент 23 лайнера A300 были переданы в лизинг американской Eastern Air Lines за \$1 в год (Luttwak 2010: 28). Люттвак (2010: 34) использует геоэкономический язык, чтобы объяснить наступление европейцев на США: «В прошлом молодых людей вынуждали надевать военную форму, чтобы отправить их на реализацию планов территориальных завоеваний, — так и сегодня налогоплательщиков убеждают субсидировать схемы промышленных завоеваний. Вместо того чтобы бороться друг с другом, Франция, Германия и Великобритания сейчас совместно финансируют наступление Airbus Industrie на Boeing и McDonnell Douglas. Теперь прогресс оценивается не по продвижению линии фронта на карте, а по доле конкретных товаров на мировом рынке, что стало главной целью».

Идеи свободной торговли предполагают, что США получили выгоду: ведь европейские налогоплательщики субсидировали авиаперевозки американцев и таким образом повышали их уровень жизни. Но «невидимая рука» свободного рынка не перераспределила избыточный американский капитал и трудовые ресурсы в высококвалифицированные профессии в производствах, доминирующих в рамках гло-

бальных цепочек создания стоимости. Вместо этого рабочие места в промышленности заменил низкоквалифицированный и низкооплачиваемый труд в ретейле. За относительно короткий период европейские самолеты приобрели статус мировых лидеров, в то время как американская авиаотрасль без господдержки оказалась на грани банкротства. Ту же стратегию Германия использовала в автомобильной промышленности, телекоммуникационной индустрии, производстве сверхпроводников и других стратегических отраслях (Luttwak 2010: 34).

После холодной войны появился новый стимул для гармонизации интересов. Европейский союз стал инструментом для достижения паритета с США, но потребовались огромные усилия для распределения бремени. Гармонизировав интересы, США и ЕС смогли коллективно претендовать на верховенство в мире после окончания холодной войны. Кроме того, подписание НАФТА дало Соединенным Штатам дополнительные экономические рычаги на фоне растущего единого рынка в Европе. Отношения с Россией тоже преимущественно стали беспроблемными, и не требовалось серьезных компромиссов, чтобы избежать конфликта. В 1990-х Москва была слабой и рассматривала Европейский союз как «хороший Запад» в противовес НАТО как «плохому Западу» (Monaghan 2005). Предполагалось, что ЕС будет более инклюзивным и готовым к гармонизации интересов с Россией. В Москве преобладало мнение, что Россия постепенно будет встраиваться в «большую Европу» или, как предлагал Владимир Путин, в союз ЕС и России. У России не было ни мотивации, ни возможностей, чтобы использовать тактику раскола против ЕС.

Упадок ЕС: противоборствующие модели развития

Германия играет двойственную роль в Европейском союзе: как экономический локомотив она повышает относительную мощь блока, но в то же время экономика Германии разрушает внутренний баланс сил в объединении. Разные экономические модели ЕС искажают симметрию стран-членов, что подрывает стабильность и устойчивость сотрудничества (Lucarelli 2012). В то время как большинство стран ЕС следует так называемой долговой модели экономического роста, Германия выбрала неомеркантилистский, основанный на экспорте подход. Ответственность за дисгармонию внутри ЕС в основном принято возлагать на Германию и ее неомеркантилистские практики, хотя Берлин склонен винить во всем отсутствие фискальной дисциплины в долговой модели других стран-членов. Как и Китай, Германия следует стратегии «разори соседа», укрепляя собственную экономику за счет аккумуляции торгового профицита и таким образом вынуждая соседей приспособляться (Вагн 2012: 53). Акцент делается на производстве и экспорте за счет немецких потребителей, а также иностранных производителей, преимущественно в других странах ЕС. В отличие от долговой модели своих союзников Берлин стимулирует сбережение, не поощряет потребление и минимизирует инфляцию. Разрыв между профицитными и дефицитными странами — членами блока неуклонно растет, и в итоге Германия процветает, превратившись в экономический двигатель Европы, а государства Средиземноморья, тоже входящие в ЕС, всё глубже спускаются на неприемлемый уровень задолженности.

Германия выстроила ориентированную на экспорт модель развития, базирующуюся на сдерживании зарплат, как в Китае, чтобы нарастить производственные мощности и добиться устойчивого торгового профицита (Stockhammer 2011). Берлин вмешивается в функционирование рынка, координируя «постоянные дискуссии между работниками, правительством и промышленностью, чтобы добиться соглашения по вопросам зарплат, инвестиций, повышения производительности труда и цен, что обеспечивает стабильную конкурентоспособность для производителей, базирующихся в Германии» (Prestowitz 2012). Урезание расходов и сдерживание зарплат ограничивают выход иностранных компаний на немецкий рынок, в то время как немецкая продукция сохраняет конкурентоспособность за границей. Более того, низкие зарплаты в Германии уменьшают потребление, следовательно, немецкие компании вынуждены искать рынки сбыта за границей. Также немецкие банки предлагают таким компаниям выгодные условия кредитования, что способствует иностранным инвестициям параллельно с торговым профицитом.

Берлин стал всё более уверенно позиционировать себя как де-факто столицу Европейского союза, поскольку экономическая мощь по-прежнему концентрируется в Германии. Соответственно, процесс принятия решений ЕС также происходит в Берлине (Brattberg and De Lima 2015). Германия действует в соответствии с реалистическими представлениями о взаимозависимости как об относительной выгоде, а законодательство ЕС используется для воздействия на небольшие страны-члены без каких-либо уступок автономии со стороны самой Германии. Например, Пакт стабильности и роста был нацелен на продвижение фискальной дисциплины с жесткими ограничениями по долгу, однако Германия и Франция исключили себя из его правил в 2003 году.

На фоне постепенного трансфера производственных мощностей и капитала из Средиземноморья в Германию асимметричные экономические отношения трансформируются в политическое влияние (Cesaratto 2010; Prestowitz 2012). По мнению Кунднани (Kundnani 2011: 41), торговый разрыв внутри ЕС способствовал более агрессивной внешней политике Германии: «Концепция геоэкономики теперь кажется особенно полезной, если мы хотим описать внешнюю политику Германии, которая стремится навязывать свои экономические предпочтения другим странам ЕС в контексте дискурса с нулевой суммой — фискальная ответственность или фискальная безответственность. Например, вместо того чтобы принять умеренное увеличение инфляции, которое могло навредить глобальной конкурентоспособности германского экспорта, Берлин настоял на мерах по сокращению расходов во всей еврозоне, хотя это подрывало способность государств периферии к росту и угрожало общему единству Европейского союза».

Поскольку экономическая и политическая мощь сконцентрирована в Германии, среди других стран-членов растет недовольство. Наибольшая враждебность исходит от южных и восточных стран блока, которые из-за экономической политики и/или политического влияния Германии оказались в невыгодном положении. В результате мы наблюдали соперничество германской федералистской модели постнациональной Европы и британской функционалистской модели Европы национальных государств. Найджел Farage (Farage 2015), лидер Партии независимо-

сти Соединенного Королевства (УКIP), в значительной степени способствовавший Брекзиту, обвинил Европейский союз в провале: ведь он облегчил формирование «Европы с германским доминированием», когда следовало этому препятствовать.

Расширение и евро

Единая валюта и последовательные волны расширения ЕС стали двумя главными ошибками, обусловившими противоборство интересов, системный упадок и, возможно, будущий распад ЕС (Münchau 2015). Евро и расширение — это источники коллективной геоэкономической мощи блока в мире. Однако они одновременно разрушают баланс сил внутри ЕС и способствуют дальнейшей концентрации силы в Германии. Евро как инструмент политической интеграции должен был зацементировать внутреннее единство, но он становится причиной раскола, так как политическая функция подорвала экономическую.

Расширение ЕС было призвано повысить коллективную долю в глобальном ВВП и объединить Европу (Vorocs 2015). Но фактически расширение принесло выгоды германской экономике и еще больше нарушило баланс с Францией и Великобританией. Объединение совершенно разных экономик предсказуемо способствовало разрушительному движению капитала и производства внутри ЕС и, что еще более важно, вызвало социально-экономические последствия из-за масштабных перемещений населения с востока на запад. Быстрые, экстенсивные демографические изменения возродили националистические настроения как в Западной, так и в Восточной Европе.

Евро — это скорее федералистский проект: непродуманные монетарные решения должны были усилить политическую интеграцию. Для продвижения фискального союза нужен союз политический, а фискальный союз необходим для развития валютного. Однако из-за отсутствия консенсуса и мандата на политический союз элиты ЕС начали с другого конца, что привело к глубоким системным недостаткам (Feldstein 2012). Валютный союз должен создавать потребность в фискальном союзе, но это невозможно без союза политического. Поэтому введение единой валюты стало осознанно дефектным экономическим проектом, который должен был запустить цепную реакцию, ведущую к политическому союзу (Spolaore 2013). Один из архитекторов валютного союза Падоа-Скьяоппа (Padoa-Schioppa 2004: 14) объяснял, что единая валюта должна была вызвать цепную реакцию в направлении интеграции: «Путь к единой валюте похож на цепную реакцию, в которой каждый шаг разрешает ранее сформировавшиеся противоречия и генерирует новое, которое, в свою очередь, требует дальнейших шагов вперед. Такими шагами стали запуск Европейской валютной системы (ЕВС, 1979), перезапуск единого европейского рынка (1985), решение ускорить либерализацию движения капитала (1986), старт проекта валютного союза (1988), Маастрихтский договор (1992) и финальное принятие евро (1998)».

Бергстен (Bergsten 2012) концептуализирует евро как «наполовину построенный дом»: неизбежные проблемы, связанные с валютным союзом, требуют дополнительной интеграции и централизации власти. Таким образом, валютная интегра-

ция сформировала логику «всё или ничего»: должно быть создано европейское супергосударство — или страны-члены будут вынуждены вернуться к национальным валютам (Stockhammer 2014).

Евро дал Германии существенно девальвированную валюту, в то время как другим странам-членам приходилось справляться с ее завышенным курсом. Обычно в сильных экономиках ослабление валюты связано с повышением спроса, и можно восстановить некий баланс, если более слабые экономики девальвируют свою валюту и таким образом повысят конкурентоспособность их экспорта. В случае с европейской валютой возникает функция «ядро — периферия», приносящая выгоду Германии, а другим, особенно странам Средиземноморья, — риски. Поэтому некоторые эксперты называют евро немецкой валютной манипуляцией, схожей с действиями Китая (Cesaratto 2010; Baru 2012; Krugman 2013). Валютная ловушка еще больше укрепила германский экспорт в ущерб конкурентоспособности средиземноморских государств (Lucarelli 2011). Маастрихтский договор 1992 года заложил основы будущих внутренних противоречий в ЕС. Оказавшись в тисках механизма валютных курсов (ERM), страны периферии просто не смогли девальвировать свою валюту, чтобы восстановить конкурентоспособность. Европейский центральный банк (ЕЦБ) формировал валютную политику для всех стран блока независимо от их совершенно разных экономик, отдавая приоритет Германии как главной экономической силе (Feldstein 2012). Для дефляционной экономики Германии были предложены низкие ставки, а в других европейских странах они привели к формированию ипотечного пузыря, который изначально ошибочно принимали за экономический рост (Cesaratto 2010). Первый главный экономист ЕЦБ Отмар Иссинг называл евро «карточным домиком», который неизбежно рухнет (Worstell 2016).

Евро позволил и дальше проводить государствоцентричную неомеркантилистскую политику, используя основанную на экспорте модель экономического роста и аккумуляцию хронических профицитов. В странах Средиземноморья бюджетный дефицит рос из-за трансфера производства в Германию и легкого доступа к дешевым деньгам, который способствовал потреблению (Krugman 2013). Слабая валюта пошла на пользу германским экспортерам, в то время как Берлин «не выполнил условия сделки со своей стороны. Чтобы не допустить спада в Европе, нужно было больше тратить, потому что соседям приходилось тратить меньше, а он этого так и не сделал» (Krugman 2013). В докладе Министерства финансов США эксперты обвиняют Германию в укреплении своей экономики за счет соседей: «Внутри еврозоны страны со значительным и устойчивым профицитом должны предпринимать шаги для стимулирования внутреннего спроса и сокращать свой профицит. Германия накопила существенное положительное сальдо текущего платежного баланса в период финансового кризиса в еврозоне, а в 2012 году номинальный профицит текущего баланса Германии превышал показатели Китая. Слабые усилия Германии по стимулированию спроса и зависимость от экспорта препятствовали восстановлению баланса, когда многие другие страны еврозоны были вынуждены обуздывать спрос и сокращать импорт, чтобы справиться с ситуацией. Результатом стала дефляционная тенденция не только в еврозоне, но и во всей мировой экономике» (US Treasury 2013: 3).

Ответ на кризисы в ЕС: от пряника к кнуту

Тезис о цепной реакции «наполовину построенного дома» парадоксален: дальнейшая интеграция ожидается в период экономических и политических потрясений. Избиратели всё чаще винят «Европу» в бесконечном кризисе, поэтому очень трудно убедить их, что «больше Европы» — это решение проблемы (Spolaore 2013). Стиглиц (Stiglitz 2016) отмечает, что с ослаблением политики пряника и уменьшением и оптимизма по поводу европейского проекта Брюссель стал всё чаще использовать страхи и угрозы, чтобы не допустить выхода государств из ЕС. Уничтожение альтернатив ЕС — императив для выживания блока. Однако стремление наказать Великобританию после голосования по Брекситу или использовать экономическое принуждение против Венгрии и Польши еще больше подрывает торговую и экономическую функциональность ЕС.

Концентрация силы в Германии стала источником кризиса, но, с другой стороны, она позволила Берлину как локомотиву восстановления экономики позиционировать себя в качестве образцового примера. Финансовый кризис ударил и по долговым, и по основанным на экспорте экономикам Европейского союза, однако экспортные экономики, придерживающиеся финансовой дисциплины, как Германия, быстро восстановились и получили возможность использовать растущую асимметрию, чтобы добиться политических уступок (Stockhammer 2014). Германия воспользовалась кризисом и слабостью государств Средиземноморья, чтобы воздействовать на них и выдвинуть условия их спасения. Европейские страны сгибались под тяжестью долгов, а Германия предоставляла им финансовую помощь при условии выполнения всех требований Брюсселя. Концентрация силы внутри ЕС достигла такого уровня, что Браттберг и Де Лима (Brattberg and De Lima 2015) заговорили об «однополярном моменте Германии». В итоге долговой кризис Греции фактически стал вопросом двусторонних отношений Берлина и Афин — первый ограбил вторые. Точно так же Германия доминировала на переговорах с Россией по Минским соглашениям и в подходе Европейского союза в ситуации кризиса с беженцами (Brattberg and De Lima 2015).

Возможная фатальная дилемма для евро заключалась в том, что Греция не могла добиться реструктуризации долга или секвестирования, потому что это создало бы цепную реакцию на другие страны-должники, однако без помощи Греция лишь глубже погружалась бы в долги, а враждебность в отношении Берлина только бы росла. В обнародованной электронной переписке Хиллари Клинтон отмечается: министр финансов Германии Шойбле «продолжает считать, что полный крах валютного союза неприемлем для Германии, так как при восстановлении дойчмарки Германия получит валюту со значительно более высоким курсом, чем у евро, и это больно ударит по основанной на экспорте экономике страны» (PressProject 2016).

МВФ признал долг Греции неустойчивым, однако Афинам не позволили объявить дефолт из-за эффекта цепной реакции, а выделенная Германией помощь в основном пошла на выплаты немецким банкам (Robins-Early 2015). Повторяя путь Греции, другие страны Средиземноморья тоже ожидали прощения долгов, поскольку бремя обслуживания долга мешало восстановлению экономики. Суве-

ренный долговой кризис охватил страны периферии — Грецию, Португалию, Испанию и Ирландию. Следующими в очереди были Италия и Франция. В то время как Германия обладает большей властью для продвижения дальнейшей интеграции, сопротивление населения в странах-членах достигло новых максимумов. Евроскептицизм стал новой нормой, и кажется, что для спасения Европейского союза придется свернуть несколько крупных проектов, включая евро. Однако пересмотр проекта «всё или ничего» вряд ли возможен, поскольку Европейский союз никогда не концептуализировал и не оформлял официально формат обратной интеграции (Spolaore 2013).

Внешние отношения с нулевой суммой

После окончания холодной войны трансатлантическое партнерство столкнулось с вызовом со стороны Азии. При администрации Обамы США уже продемонстрировали, что Европа теряет свою значимость. При администрации Трампа, исповедовавшей экономический национализм, экономический регионализм оказался под ударом. Соединенные Штаты были озабочены изменением баланса внутри НАФТА, Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) и Транстихоокеанского партнерства. Коллективная мощь достигалась за счет изменения внутреннего баланса сил — производственные и финансовые мощности постепенно переходили от США к их союзникам. Поэтому Трамп продвигал спорное утверждение о том, что ЕС был создан, чтобы «обдирать» США, а в отношении неомеркантилизма Берлина он заявлял, что «немцы плохие, очень плохие».

Брюссель обычно жалуется на то, что Россия и Китай вовлекают отдельные государства ЕС в двусторонние контакты. Двусторонние отношения всегда выгоднее, чем асимметрия в формате ЕС27 + 1, и это аксиома. Для сравнения: возглавляемый Россией Евразийский экономический союз получил поддержку Китая, предложив ощутимые экономические выгоды странам, не входящим в объединение. ЕАЭС выгоден китайской инициативе «Один пояс и один путь», так как на территории между Китаем и ЕС создано единое таможенное пространство. Кроме того, небольшие экономики Центральной Азии стали доступны благодаря согласованию законодательства и единым техническим стандартам. Взаимное признание регионов также можно считать подходящим решением, поскольку вовлечение внешних держав повышает легитимность региона (Hettne and Söderbaum 2000: 469).

После окончания холодной войны так и не удалось выстроить приемлемые для обеих сторон отношения с Россией, что подтолкнуло Москву к использованию тактики раскола. Парижская хартия для новой Европы 1990 года и Будапештский документ ОБСЕ 1994 года обязывали все стороны создать Европу без разделительных линий на основе «неделимой безопасности» и «суверенного равенства». Вместо этого разделительные линии постепенно передвигались к российским границам, ЕС расширял свою безопасность за счет России, а либеральный интернационализм продвигал систему суверенного неравенства. Соперничество за то, где проводить новые разделительные линии, в конце концов привело к вооруженному конфликту на Украине.

Изначально Москва воспринимала Европейский союз как «хороший Запад», но расширение на восток и нежелание гармонизировать интеграцию с Россией усилили структуры игры с нулевой суммой в Европе. Концепция «большой Европы» была предложена Европейским союзом, чтобы организовать страны-не члены по периферии блока в соответствии с регулятивными нормами Брюсселя. Таким же образом Европейская политика соседства (ЕПС) 2004 года должна была выстроить Европу вокруг Европейского союза. Москва отвергла ЕПС, так как эта политика базировалась на двусторонних форматах: коллективный ЕС и отдельные страны-соседи, что максимально увеличивало асимметрию — вплоть до того, что она стала скрытой односторонностью. Вместо этого, чтобы успокоить Москву, ЕС подписал с ней в 2005 году Соглашение об общих пространствах, которое предполагало гармонизацию интеграционных усилий, направленных на добрососедство: «Они соглашаются активно продвигать эти процессы [интеграционные усилия] взаимовыгодным образом посредством ориентированного на результат тесного сотрудничества и диалога между Россией и Европейским союзом, внося тем самым эффективный вклад в формирование большой Европы без разделительных линий, основанной на общих ценностях» (Permanent Mission of the Russian Federation to the European Union 2005).

Спустя три года, в 2008 году, Европейский союз в одностороннем порядке нарушил Соглашение об общих пространствах, запустив программу Восточного партнерства. Она была сфокусирована на инициативах в сфере энергетики и транспорта, таких как INOGATE и TRACECA, и призвана уменьшить зависимость от России. Именно поэтому Россия стала единственным восточным соседом, не приглашенным в программу. Предложенные в конце 2013 года соглашения об ассоциации с ЕС также требовали от соседей сделать цивилизационный выбор с нулевой суммой: «мы» или «они». Идея Москвы и Киева создать трехстороннюю комиссию по торговле с Брюсселем и скоординировать интеграционные усилия была отвергнута европейской стороной как российский империализм (Lynch 2013).

Применение Европейским союзом экономических санкций вместо создания новой, приемлемой для обеих сторон архитектуры после окончания холодной войны, которая учитывала бы легитимное влияние России в Европе, убедило Москву перейти от инициативы «большой Европы» к «большой Евразии». Растущее стратегическое партнерство России и Китая реструктурирует глобальные цепочки создания стоимости. Подъем евразийских держав бросает вызов способности ЕС поддерживать внутреннее единство. По прогнозам, доля ЕС в глобальном ВВП продолжит падать, что ограничит возможности блока выдвигать условия и выступать в роли регулятивной силы. Торговля также меняется, и теперь фокус сместился с торговли внутри блока на взаимодействие с другими странами. У каждого государства — члена ЕС гораздо больше коммерческих интересов в отношениях с нечленами блока; следовательно, лояльность Европейскому союзу продолжит падать.

Поскольку торговые и экономические интересы Германии продолжают постепенно смещаться с Европейского союза на Восток, ее определение национальных интересов и, как следствие, внешней политики тоже будет меняться (Szabo 2015: 69). Общая идентичность и межсубъектные связи Германии с Западом служат якорем против геоэкономической волны на Восток, поэтому экономическое со-

трудничество с Востоком — скорее идейная преемственность, а не новый вариант «Остполитик». В связи с вышесказанным раскол Запада в широком смысле также возможен: Германию никогда полностью не устраивал подход США по изоляции авторитарных государств, она скорее подписалась бы под идеей распространения либеральных демократических ценностей через постепенное открытие Востока с помощью развития экономических связей.

Геоэкономическое продвижение Китая на Запад с инициативой «Один пояс и один путь» и новыми финансовыми инструментами приветствуется и в значительной степени совпадает с интересами России. Торговля и финансовые услуги, которые Китай предоставляет России, существенно сокращают зависимость Москвы от ЕС. Этот тренд, видимо, будет только нарастать, поскольку в прошлом Россия предоставляла привилегированный доступ на свои энергетические рынки для ЕС по политическим соображениям в свете идей «Большой Европы» — но в новом проекте «Большой Евразии» Европе будет уделяться меньше внимания. Кроме того, растущая активность Китая заставляет государства отворачиваться от Германии и Европейского союза.

Стратегические отрасли и конкретные регионы в Европе, куда распространяются китайские инвестиции, свидетельствуют о целостной внешнеполитической стратегии. Китай сотрудничает с Центральной и Восточной Европой отдельно от ЕС, что может мотивировать эти государства перестать соглашаться на второстепенные роли в Европе. Раскол ЕС не является самоцелью, главная задача тут скорее другая — предоставить этим государствам больше свободы действий, чтобы развивать их собственные интересы совместно с Китаем, если остальные члены блока, возможно, против. Поскольку Греция является главными морскими воротами Европы, Пекин купил долю в ее портах. Обновив порт Пирей, Китай перешел к железнодорожным проектам, которые позволят улучшить транспортные связи с Венгрией через Сербию. Опасения по поводу «долговой дипломатии» Китая в ЕС тоже нарастают, поскольку Пекин финансирует инфраструктурные проекты в Венгрии, а Будапешт обходит установленные процедуры тендеров. В целом китайские инвестиции в Европе быстро растут, и основной акцент делается на доступе к стратегическим отраслям, включая сельское хозяйство и промышленное производство. Ключевой мотивацией является получение технологий — китайский персонал часто заменяет своих европейских коллег (Le Corre and Sepulchre 2016: 54).

Заключение

Использование экономического давления с целью обеспечить внутреннюю солидарность и ослабить внешних конкурентов может замедлить упадок, хотя, если дезинтеграция начнется, обветшавший фундамент геоэкономического блока в конечном итоге вызовет быстрый и неконтролируемый коллапс.

Первоначальный невероятный успех экономической политики ЕС предполагал, что будут предоставлены ощутимые выгоды странам-членам и применены коллективные переговорные возможности, чтобы утвердиться в статусе регулятивной силы. Единый европейский рынок и Шенгенское соглашение действительно принесли ощутимые выгоды, которые трансформировались в солидарность и коллек-

тивный переговорный потенциал. Однако расширение и углубление европейской интеграции с приемом новых членов и запуском евро подорвали способность блока приносить общественные блага и нарушили внутренний баланс зависимости.

Кроме того, внутренней солидарности в ЕС угрожает тактика раскола, потому что блоку не удалось создать стимулы к сотрудничеству для иностранных держав. США заинтересованы в том, чтобы конвертировать зависимость Европы в сфере безопасности в геоэкономическую лояльность и таким образом ограничить торговлю ЕС с Китаем, Россией, Индией и другими конкурентами Соединенных Штатов. Поддавшись этому прессингу, Европейский союз отрывается от важных центров силы, что ослабляет его экономическую мощь и способность приносить ощутимые блага странам-членам, зато одновременно содействует избыточной зависимости от США в ущерб европейской стратегической автономии.

Лучший подход для ЕС — это контролируемое отступление и возвращение к геоэкономическим основам блока, к домаастрихтскому периоду, который завершился в 1992 году, и адаптация к многополярному миру посредством принятия более гибкой стратегии. Хотя недостаточная рациональность остается ключевой проблемой Европейского союза, и это лишний раз доказывает непонимание того, что основой внутреннего единства и переговорного потенциала в отношениях с внешними акторами является экономика.

Библиография

- Baru S. *Geo-Economics and Strategy // Survival*, 2012. Vol. 54, no. 3, pp. 47–58.
- Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York: Basic Books, 2008.
- Bergsten C. F. *Why the Euro Will Survive Completing the Continent's Half-Built House // Foreign Affairs*, 2012. Vol. 91, no. 5, pp. 16–22.
- Blackwill R. D. and Harris J. M. *War by Other Means*. Harvard University Press, 2016.
- Bradford A. *The Brussels Effect // Northwestern University Law Review*, 2012. Vol. 107, no. 1, pp. 1–67.
- Brattberg E. and De Lima B. P. *Germany's Unipolar Moment // Berlin Policy Journal*, 2015. September 21.
- Cesaratto S. *Europe, German Mercantilism and the Current Crisis // Department of Economics, University of Siena*, 2010. No. 595.
- Road Map on the Common Space of External Security // Permanent Mission of the Russian Federation to the European Union. Moscow. 2005. May 10 (https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_external_security_2005_english.pdf).
- Cwik P. F. *The New Neo-Mercantilism: Currency Manipulation as a Form of Protectionism // Economic Affairs*, 2011. Vol. 31, no. 3, pp. 7–11.
- Damro C. *Market Power Europe: Exploring a Dynamic Conceptual Framework // Journal of European Public Policy*, 2015. Vol. 22, no. 9, pp. 1336–1354.
- Diesen G. *Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia*. London: Routledge, 2017.
- Diesen G. *Europe as the Western Peninsula of Greater Eurasia: Geoeconomic Regions in a Multipolar World*. London: Routledge, 2021.

- Eberlein B. and Grande E. Beyond Delegation: Transnational Regulatory Regimes and the EU Regulatory State // *Journal of European Public Policy*, 2005. Vol. 12, no. 1, pp. 89–112.
- Farage N. Speech at the European Parliament. Strasbourg, 2015. October 7.
- Gilpin R. *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton: Princeton University Press, 2011.
- Guzzini S. Robert Gilpin: the Realist Quest for the Dynamics of Power // Neumann I. B. and Wæver O. (eds.). *The Future of International Relations*. London: Routledge, 1997. Pp. 129–154.
- Hirschman A. *National Power and the Structure of Foreign Trade*. Berkeley: University of California Press, 1945.
- Hettne B. Neo-Mercantilism: the Pursuit of Regionness // *Cooperation and Conflict*, 1993. Vol. 28, no. 3, pp. 211–232.
- Hettne B. and Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*, 2000. Vol. 5, no. 3, pp. 457–472.
- Huntington S. P. Why International Primacy Matters // *International Security*, 1993. Vol. 17, no. 4, pp. 68–83.
- Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*, 1995. Vol. 21, no. 4, pp. 331–358.
- Hyde-Price A. “Normative” Power Europe: a Realist Critique // *Journal of European Public Policy*, 2006. Vol. 13, no. 2, pp. 217–234.
- Hyde-Price A. A “Tragic Actor?” A Realist Perspective on “Ethical Power Europe” // *International Affairs*, 2008. Vol. 84, no. 1, pp. 29–44.
- Jones R. B. *Conflict and Control in the World Economy: Contemporary Economic Realism and Neo-Mercantilism*. Brighton: Wheatsheaf Books, 1986.
- Keating D. Commissioner Urges EU to Face Down Russia on Energy // *Politico*, 2012. October 10.
- Krugman P. Those Depressing Germans // *The New York Times*, 2013. November 3.
- Kučerová I. The Economic Regionalism and Its Linguistic Aspects. The Model of Inside-Outside Regionalism // *ALPPI*, 2014. Pp. 93–107.
- Kundnani H. Germany as a Geo-Economic Power // *The Washington Quarterly*, 2011. Summer. Vol. 34, no. 3, pp. 31–45.
- Lane D. Post-Socialist Regions in the World System // *European Politics and Society*, 2016. No. 17, pp. 46–66.
- Le Corre P. and Sepulchre A. *China’s Offensive in Europe*. Washington: Brookings Institution Press, 2016.
- Lucarelli B. German Neomercantilism and the European Sovereign Debt Crisis // *Journal of Post Keynesian Economics*, 2011. Vol. 34, no. 2, pp. 205–224.
- Luttwak E. N. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // *National Interest*, 1990. No. 20, pp. 19–23.
- Luttwak E. N. *Endangered American Dream*. New York: Simon and Schuster, 2010.
- Lynch S. Russia Warned It Might Breach Helsinki Accord // *The Irish Times*, 2013. November 30.
- Milward A. *The European Rescue of the Nation-State*. London: Routledge, 1992.

- Mitrany D. The Prospect of Integration: Federal or Functional // *Journal of Common Market Studies*, 1965. Vol. 4, no. 2, pp. 119–149.
- Monaghan A. *Russian Perspectives of Russia–EU Security Relations*. Defence Academy of the United Kingdom, Conflict Studies Research Centre, 2005.
- Münchau W. Two Mistakes That Ruined Europe // *Financial Times*, 2015. November 1.
- Padoa-Schioppa T. *The Euro and Its Central Bank: Getting United After the Union*. Massachusetts: MIT Press, 2004.
- PressProject. Clinton Emails Give Away Schauble Plans in 2012–Exclusive Commentary by Varoufakis // *The PressProject*, 2016. March 22.
- Prestowitz C. Mercantilism Is a State of Mind // *Foreign Policy*, 2012. April 16.
- Raza W. European Union Trade Politics: Pursuit of Neo-Mercantilism in Different Flora // Blaas W. and Becker J. (eds.). *Strategic Arena Switching in International Trade Negotiations*. Hampshire: Ashgate, 2007. Pp. 67–96.
- Robins-Early N. Greece’s Bailout Money Doesn’t Really End Up in Greece // *Huffington Post*, 2015. June 6.
- Sorhun E. *Regional Economic Integration and the Global Financial System*. Hershey: IGI Global, 2014.
- Rettman A. D’Estaing: Eurozone Should Shut Its Doors After Poland // *EUobserver*, 2013. March 26.
- Scheuermann C. Interview with Tony Blair: “Leaving Europe Would Be Very Bad for Britain” // *Der Spiegel*, 2013. January 28.
- Spolaore E. What Is European Integration Really About? A Political Guide for Economists // *National Bureau of Economic Research*, 2013. No. w19122.
- Stiglitz J. *The Euro: And Its Threat to the Future of Europe*. London: Penguin Books, 2016.
- Stockhammer E. Peripheral Europe’s Debt and German Wages. The Role of Wage Policy in the Euro Area, *Research on Money and Finance* // *Discussion Paper*, 2011. No. 29. March.
- Stockhammer E. The Euro Crisis and Contradictions of Neoliberalism in Europe // *Post Keynesian Economics Study Group*, 2014. Working Paper 1401, pp. 1–18.
- US Treasury. *Report to Congress on International Economic and Exchange Rate Policies*. US Department of the Treasury Office of International Affairs, 2013. October 30.
- Wagner R. H. Economic Interdependence, Bargaining Power, and Political Influence // *International Organization*, 1988. Vol. 42, no. 3, pp. 461–483.
- Walt S. M. Alliance Formation and the Balance of World Power // *International Security*, 1985. Vol. 9, no. 4, pp. 3–43.
- Wigell M. and Vihma A. Geopolitics Versus Geoeconomics: The Case of Russia’s Geostrategy and Its Effects on the EU // *International Affairs*, 2016. Vol. 92, no. 3, pp. 605–627.
- Worstell T. Now He Tells Us, Architect of the Euro Says It Will Never Work–So Milton Friedman Was Right // *Forbes*, 2016. October 23.
- Zielonka J. Europe as a Global Actor: Empire by Example? // *International Affairs*, 2006. Vol. 84, no. 3, pp. 471–484.